

составители: Вильчек Г.Е., Вильчек Л.Ш.

ВСЕВОЛОД ВИЛЬЧЕК ПОСЛЕ СЛОВИЕ

Григорий Вильчек

Всеволод Вильчек. Послесловие

«Издательские решения»

Вильчек Г.

Всеволод Вильчек. Послесловие / Г. Вильчек — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506562-9

Книга посвящена талантливому человеку В. Вильчеку, который за 46 лет работы в журналистике успел стать известным теоретиком телевидения, основателем телевизионной социологии, поучаствовать в практическом становлении телеканалов ОРТ, НТВ, ТВ6, ТВС (Москва) и канала «Имеди» (Тбилиси). Одновременно это был поэт и философ, оставивший нам книгу «Алгоритмы истории». О судьбе В. Вильчека — от романтического начала до трагической точки в конце, рассказывают известные люди — его друзья и коллеги. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-506562-9

© Вильчек Г.

© Издательские решения

Содержание

Вс. М. Вильчеку	6
Мыслитель, умевший смотреть за горизонт	7
Поверить алгеброй гармонию	9
КОНТУРЫ	11
АНАТОЛИЙ ЛЬВОВ	12
ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР	22
АЛЕКСЕЙ ПЬЯНОВ	25
ВЛАДИМИР ДЕРЕВИЦКИЙ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Всеволод Вильчек. Послесловие

Составитель Григорий Вильчек

Составитель Лилия Вильчек

ISBN 978-5-0050-6562-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям

Национальной Ассоциации Телепроизводителей

Составители:

Л. Вильчек

Г. Вильчек

Составители сердечно благодарят всех, кто помог созданию этой книги, и прежде всего – авторов воспоминаний. Особая признательность – О. Журавлевой, В. Лившицу и М. Топаз за участие в подготовке материалов.

В книге использованы фотографии из семейного архива, архивов телеканала «Имеди» (Грузия), «Независимой газеты» (фотограф – Н. Преображенская) и кадры из документального фильма А. Симонова «К. М.».

Аннотация

Книга посвящена талантливому человеку В. Вильчеку, который за 46 лет работы в журналистике успел стать известным теоретиком телевидения, основателем телевизионной социологии, творчески поучаствовать в практическом становлении телеканалов ОРТ, НТВ, ТВ6, ТВС (Москва) и канала «Имеди» (Тбилиси). Одновременно это был поэт и философ, оставивший нам книгу «Алгоритмы истории».

О судьбе В. Вильчека – от романтического начала до трагической точки в конце, рассказывают известные люди – его друзья и коллеги. Творческая эволюция представлена его собственными стихами, журналистскими выступлениями, главой из книги.

Вс. М. Вильчеку

Вас называли «профи»,
Мне вы казались поэтом...
Но недопит ваш кофе,
И не дымит сигарета.

Не рухнул, конечно, мир, но...
Но, то ли я впрямь простак —
Что-то в нем так немирно,
Что-то уже... не так.

Может, ваш бюст увидит
Маленький двор в Тбилиси,
Может быть, томик выйдет
Ваших стихов и мыслей,..

Только от глянца-блеска
Факт не переиначишь —
Поговорить то не с кем,
А помолчать – тем паче...

Пуд свой последний с кем ел
Соли – не знаю, Профи,..
Но недокурен «Camel»
И недовыпит кофе...

ГЕОРГИЙ ЧКОНΙΑ

поэт, режиссер телеканала «Имеди», Грузия

Мыслитель, умевший смотреть за горизонт

Волей-неволей приходится начинать с запоздалого признания.

Российское телевидение отметило недавно свое 75-летие, отметило торжественно и широко, но в рамках юбилея, конечно же, не удалось воздать должное всем, кому телевидение обязано своими достижениями.

В отличие, скажем, от Нобелевской премии, чей статут не позволяет это сделать в отношении тех, кто ушел из жизни, мы это можем сделать и должны.

Всеволод Михайлович Вильчек, скончавшийся в прошлом году, не дожил до своего 70-летия. Не будет преувеличением сказать, что он был из числа – пусть и немалого – тех, кто создавал и формировал сегодняшнее телевидение, и относительная меньшая, чем он заслуживает, известность его обычной публике объясняется тем, что Всеволод Михайлович трудился не на внешней стороне телеэкрана, а оставался за экраном, создавал невидимые снаружи опоры телевидения, его инфраструктуру – и как социально-информационной службы, и как искусства.

По сути дела, Всеволод Михайлович отдал телевидению всю свою жизнь – 46 лет, с 1959 года до конца жизненного пути. Как говорил сам Вильчек, «знаю телевидение почти изначально». Труднее определить, кем именно он был на телевидении и для телевидения.

Если совсем коротко – социолог, можно сказать, главный социолог телевидения страны, социолог номер один.

Конечно, за этими словами стоит очень многое. И прежде всего тот факт, что Вильчек был создателем социологической службы телевидения. Понятно, что телевидение живет не в вакууме. Но оно просто не знало бы, где оно живет, если бы не располагало надежной и развитой социологической службой. Или, другими словами, объективными, честными, правдивыми, научно выверенными и научно проверяемыми данными – и о работе телевидения, и о том, как и чем в действительности живет страна.

Стоит задуматься, насколько сложно создать и постоянно поддерживать такую службу, какими знаниями, мышлением и нравственными качествами нужно обладать для этого. Всем этим бесспорно обладал Всеволод Михайлович. Не стоит пояснять, в какой обстановке, в какие времена – попросту сказать, зажима социологии вообще и даже гонений на нее – Вильчек делал свои социологические открытия, демонстрируя прежде всего научную честность и мужество.

И это вовсе не было эдаким броском на амбразуру. По-настоящему породнить, а не искусственно скрестить, социологию и телевидение можно было только на прочной базе глубоких гуманитарных знаний.

Его практическая – и весьма плодотворная – работа на телевидении и в журналистике, где главным предметом для него также было телевидение, всегда сопровождалась научно-исследовательской деятельностью в области общественной теории. И не случайно первая теоретическая работа Всеволода Михайловича оказалась посвящена телевидению, исследованию его природы как искусства и как необъемлемой части современной общественной жизни.

Именно такой подход определил направление и последующих более широких и углубленных теоретических исследований. Итогом их стал труд «Алгоритмы истории», которому Всеволод Михайлович дал скромный подзаголовок «философско-социологические этюды».

Не вдаваясь в дискуссию о границах жанра, можно уверенно сказать, что этой книгой Вильчек сказал веское, незабываемое слово в науке, называемой философией истории.

И здесь он, как и во всей своей работе, оставался в первую очередь самим собой. Он был честен и мужествен, он был ученым и мыслителем, умевшим смотреть за горизонт, он был деятелем и творчески неистощим.

Не секрет, что телевидение, вошедшее ныне, как воздух, в жизнь миллионов людей, всегда создавали яркие и сильные, можно сказать, прорывные личности.

Всеволод Михайлович Вильчек навсегда занял среди них свое место в первых рядах.

МИХАИЛ СЕСЛАВИНСКИЙ

*руководитель Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям*

Поверить алгеброй гармонию

Давно замечено тяготение многих выдающихся гуманитариев, поэтов и писателей к методам точных наук. Лев Толстой занимался расчетами траекторий полета артиллерийских снарядов; математическим формулам, чертежам и схемам посвящен отдельный том его сочинений. Велимир Хлебников был увлечен числами не меньше, чем словотворчеством. Исследователи поэтического творчества второй половины прошлого века создали целую науку – стиховедение, основанную, в том числе, на анализе частоты употребления слов в стихах, создавались многотомные «частотные словари» поэтов. Очевидна необходимость в том, что А.С.Пушкин определил, как «поверить алгеброй гармонию», понять природу творчества.

Таким методом анализа и оценки для создателей телевизионных программ, практиков сложного и на первых порах интуитивного искусства формирования программной политики телекомпаний, специалистов по программированию каналов является социология телевидения.

Воспоминания моих коллег, собранных в этой книге, собственный опыт позволяют сделать вывод, что Всеволод Михайлович Вильчек – журналист, поэт, теоретик, аналитик и практик телевидения, без сомнения может быть назван «главным социологом» телевидения страны. Пусть такой должности не было и нет, но своим подвижническим трудом, его результатами, признанием медиасообщества Всеволод Михайлович достоин этого звания. Да и перечень его официальных должностей подтверждает это: руководитель социологической службы РГТРК «Останкино», создателем которой он и являлся, советник, первый заместитель генерального директора по программной политике и развитию компании «ОРТ», организатор социологической службы НТВ, ТВ-6, ТВС, член Федеральной конкурсной комиссии, влиятельный, авторитетный и независимый эксперт, член Экспертного совета Медиа Комитета.

В личном плане, несмотря на разницу в возрасте нас изначально сближало то, что мы земляки по жизни и учебе в Узбекистане, коллеги по журналистской работе в местных газетах, то, что выросли в необычайно яркой культурной среде. Потом уже – телевидение, куда В.М.Вильчек пришел еще в 1959 году. Работал на ташкентском, норильском телевидении. Как научный сотрудник напечатал в журнале «Вопросы литературы» свою первую теоретическую статью «Муза 12» о телевидении – своеобразный диалог с легендарной книгой В. Саппака. Тема его кандидатской диссертации – «Телевизионная программа. Социальные функции и эстетические особенности». Уже первая теоретическая книга Вильчека о телевидении «Контур (наблюдения о природе телеискусства)», изданная в 1967 году, была востребована и нашла отклик среди телевизионщиков. Сейчас, может быть, она известна лишь искусствоведам, но уж сборники «Телевидение: вчера, сегодня, завтра» были настольными книгами для всех, кто занимался организацией вещания профессионально или изучал его в ВУЗах. Подготовкой этих раритетных теперь изданий В. Вильчек занимался как научный редактор отдела телевидения издательства «Искусство».

В 1987 году, когда молодежная редакция ЦТ выпускала программы «12-й этаж» и «Взгляд», вышла книга Вильчека «Под знаком ТВ» – самобытная, актуальная и в наше время работа об эволюции культуры и общества, о связях технологии и искусства, о том, как на почве телевидения рождается культурная парадигма будущего. Нас, авторов и ведущих тех программ и его, исследователя природы телевидения, объединяло понимание необходимости трансформации общественного сознания в годы перестройки и роли ТВ в этом процессе.

С другой стороны, Вс. Вильчек всегда был практиком телевидения – делал «Кинопанорамы» с Ксенией Марининой, на рубеже 80-х – 90-х годов выпускал первый в стране видеожурнал «Видеодайджест». И уже в то время выходили подготовленные им сборники по социологии СМИ.

Всерьез практическая социология телевидения началась в созданной при Егоре Яковлеве социологической службе РГТРК «Останкино», директором которой Вс. Вильчек был в 1991—1994 гг. Именно в это время начались систематические измерения аудитории, в повседневный телевизионный обиход плотно вошло и обосновалось понятие рейтинг передач. «Рейтинг – это команда обратной связи, которую нужно осмыслить и принимать решения по-разному, в зависимости от твоей ответственности перед обществом, от твоих этических представлений...», – писал тогда Вс. Вильчек. Он организовал первую в России службу ежедневного мониторинга просмотра телепрограмм, ввел в практику обсуждение рейтингов передач на планерках и летучках в телекомпании, заложил основы программирования вещания на основе измерений аудитории, разработку перспективных жанровых направлений телепрограмм с учетом структуры интересов разных групп зрительской аудитории.

Именно Всеволод Вильчек стоял у истоков социологии российских СМИ. За относительно короткий срок ему удалось стать непререкаемым авторитетом для всей индустрии – он как никто другой знал и понимал, чего ждет от канала аудитория, каковы зрительские ожидания.

Он знал телевидение досконально и изнутри. Он любил, чувствовал, понимал телевидение. Переживал, пропускал через себя все проблемы, у него никогда не было «холодного носа», когда речь шла о телевидении.

Социологии телевидения в России, развитию системы измерения аудитории повезло, потому что Вильчеку верили, доверяли, его слушали профессионалы и не только. Ни один телевизионщик не мог не посоветоваться с ним. Он был свой среди них.

Для исследователей аудитории он был большим авторитетом, своеобразным камертоном, для практиков – своего рода барометром. Так было и тогда, когда в нашей стране почти одновременно возникли две первые частные телекомпании, и хотя мы работали в разных, но находились не по разные стороны баррикад: уж слишком многое мы видели и понимали одинаково, да и типы программ были совершенно иными. Мы часто вели почти философские беседы о природе ТВ, о частном и государственном вещании. Вс. Вильчек никогда не ориентировался на «заказ» учредителей или собственников, но всегда – на запросы и мнение телезрителей.

Всеволода Михайловича отличали свое мнение, свой взгляд на все процессы и проблемы, связанные с исследованием аудитории. Часто эти мнения и взгляды были неожиданными, оригинальными и своеобразными, но обязательно честными и бескорыстными и всегда заставляли посмотреть на проблему по-другому.

Прочитав отобранные для этой книги работы Вс. Вильчека, воспоминания о нем, я подумал, что переход на многопрограммное, интерактивное, мультимедийное телевидение, который осуществляется сейчас благодаря цифровым технологиям, возродит и ту социологию аудитории, для которой самыми важными будут мнения и оценки телезрителей. Социологию по Вильчеку.

ЭДУАРД САГАЛАЕВ

ПРЕЗИДЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ТЕЛЕРАДИОВЕЩАТЕЛЕЙ

КОНТУРЫ

Обложка первой книги о телевидении, написанной и изданной в Ташкенте в 1967 г.

АНАТОЛИЙ ЛЬВОВ

журналист, историограф Норильска

«**ДРЕМОТНАЯ АЗИЯ**». Мы были знакомы пятьдесят лет и еще полгода. Могли встретиться гораздо раньше, в 1941-м, когда он из Полтавы, я из Крыма бежали под натиском противника – до Ташкента. Столица Узбекистана, мигом ставшая миллионным городом, приютила и нас. Семья Вильчеков там прожила четверть века, до землетрясения, так что, появившись на втором курсе филологического факультета САГУ (Среднеазиатского университета), разминуться с Вильчеком я не мог.

Я бы не заикнулся насчет нашей «дружбы не разлей вода». Бывали периоды охлаждения, скорее всего, связанные с продолжительными не встречами и отсутствием привычки к постоянной переписке.

«Что дружба? Легкий пыл похмелья...» Приятельствовали – безусловно, всю жизнь. Он, строго относясь к слову, не написал бы мне на своих «Алгоритмах истории»: «с такой стародавней, почти уже антикварной дружбой». Заслуживают внимания еще несколько его строк на книге:

Болтают, я отнял у Маркса факел.
Готов отдать,
когда бы смог при этом
Хоть на недельку
снова стать поэтом,
Почти что знаменитым
на филфаке...

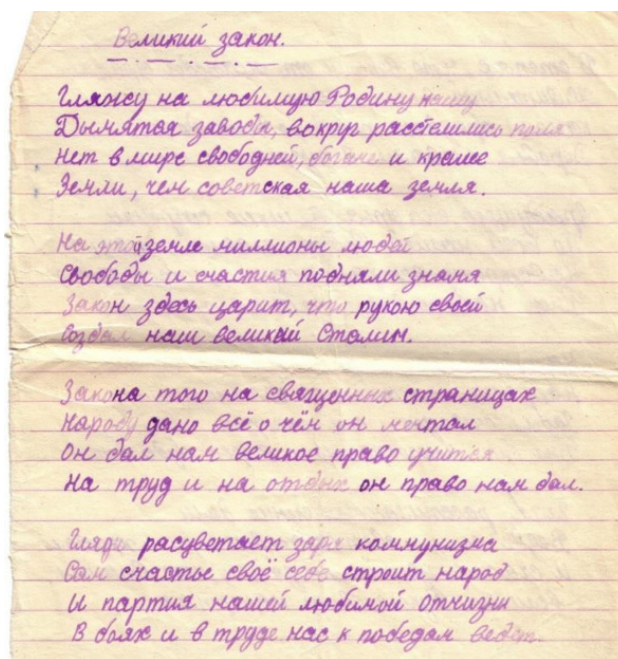
После эвакуации в Ташкент. Севе – 7 лет. 1944 г.

В 1946 году с сестрой Ольгой.

Охота, рыбалка с детства манили Севу Вильчека. Ташкент, конец 1940-х гг.

Детские стихи В. Вильчека.

Директор школы, фронтовик Н. И. Саяпин вручает В. Вильчеку похвальную грамоту после окончания начальной школы. 1948 г.

Так и было: поэт, которого признавали, как равного старшекурсники. Печатается в многотиражке! (Потом, когда напечатали в журнале «Юность» – приняли как должное). Разглядывая восьмиполосный номер университетской газеты пятидесятилетней давности, где мой разговор «Перед Мельбурном» – интервью с великими спортсменами в «олимпийской деревне» под Ташкентом, здесь же на литстранице нахожу два стиха Севы. А рядом – пятикурсники Володя Рецепттер (будущий народный артист РФ, режиссер, знаток пушкинской драматургии, прозаик, не оставивший поэтической колеи); Леша Пьянов (тоже пушкинист и многие годы главный редактор «Крокодила»); Святослав Благов, рано ушедший, аристократически-тонкий литератор.

Правда, несколько позже остроумец Михаил Аркадьевич Светлов, заехавший в Ташкент, за коньяком промолвил о Севиних стихах:

– Вы, молодой человек, описываете свой пуп. Это, конечно, тоже пейзаж, но – весьма однообразный.

...И все же. Если бы я изображал на полотне Севу двадцатилетнего, то не пишушим (никогда не видел его даже с блокнотиком на случай внезапного озарения), а на велосипеде с охапками мартовских тюльпанов, ежегодно собираемых им для друзей и однокурсников в степи под Ташкентом.

Для Севы главной улицей города был тупик. Но какой – Фисташковый! Наверняка – единственный в мире. Да и дом Вильчеков здесь, на мой коммунальный взгляд, тоже был из лучших на планете: крепкий, просторный; не скажу точно во сколько окон, но несколько выходили в сад, не очень большой, но, казалось, вечно цветущий – и охраняемый немецкой овчаркой Диком. У калитки она еще лаяла, а потом ластилась или гонялась за птицами.

Семья Вильчеков возле дома в Ташкенте. Слева направо: Сева с женой, его родители, сын и сестра. 1966 г.

Хозяева, по-моему, любили гостей. Севина мама улыбочивостью не отличалась, как и домработница Лена, полноправный член семьи, прибившаяся к ней еще до войны, на Украине. Севина нянька едва ли не с годичного возраста и Олькина – с ее недельного, из раскулаченных. Кудрявая Ольга в свои десять источала дружелюбие за троих, светилась улыбками и безотказно выполняла приказы брата:

– Олька! На дерево!

Она с кошачьей ловкостью взбиралась на абрикосовое, в пять минут наполняла очередную миску фруктами. Брата боготворила и боготворит.

Главой была мама. Заведовала она пошивочным ателье. Папа неизменно подчеркивал командирскую роль женщины не словами, а своим поведением. Душа-человек и редкостно интеллигентен. Именно от него характеры детей, их открытость и притягательность.

На военных сборах (Сева – в центре). 1957 г.

В 50-х затерялся эпизод, о котором Сева мне напомнил совсем недавно. После третьего курса у нас была единственная возможность поработать на целине. (После четвертого и пятого мы послужили в армии, сначала под киргизским городом Ош в полку Героя и писателя Владимира Карпова, а потом – на границе с Турцией, под Ленинаканом, куда добирались воинскими эшелонами и паромом через Каспий). Я о целине не мечтал, и деканат без слова отпустил на каникулы к родителям, которые с осени ждали встречи.

Вернувшись в Ташкент к 1 сентября, я узнал, что «целинников» задержали на месяц. А через несколько дней со сцены в университетском клубе (вел конференс, грешен) объявил: «Вы, бездельники, забавляетесь, а ваши сверстники на целинных просторах добывают для вас хлеб насущный. Как стало известно, в социалистическом соревновании наших посланцев впереди экипажи, где помощниками мастеров жатвы – филологи Всеволод Вильчек и Юрий Кружилин!» Далее – овация, о которой им стало известно. О ней Сева помнил и 50 лет спустя: «Грамоты получили многие; такие аплодисменты – только мы с Юркой».

...Юрка ушел много раньше. Между прочим, был наставником Эдуарда Сагалаева.

Первая редакция, где мы вместе работали, называлась «Центральный нападающий» – орган горкома комсомола. Мы – нападали! Словом, стихом, карикатурами. На нескольких больших ватманских листах, ежемесячно менявшихся за стеклом. Почему не били стекла? Затрудняюсь... А перья и кисти критиков достигали фигур и высоко (относительно) поставленных. Главным редактором сатирической газеты был Вильчек, но в выпусках участвовали известные в ташкенте журналисты – А. Вулис, Г. Меликянц (известинец), А. Егоров, корреспондент «Комсомолки», в дальнейшем – соратник Е. Яковлева в «Журналисте».

СЕВЕР: «А МЫ ВЕЩАЕМ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!». Имя Сева, ясно, от направления магнитной стрелки (на север). Фамилию Вильчек я расшифровывал так: Владимир Ильич Ленин, Чрезвычайная Комиссия. Еще больше ему нравилось, что фамилия присутствует на географических картах мира: Земля Вильчека. Hans Wilchek, если быть точным, лишь финансировал австрийскую экспедицию 1870-х. И земелька-то паршивая, как выразился в тех же широтах о «собственном» острове профессор Визе. Но все равно – приятно! Можно морочить головы несведущим... А как звучат названия окрестностей! (см. Земля Франца-Иосифа).

Написав быстро и досрочно диплом, Сева исчез, как оказалось, в шахтерский город Ангрен, в местную газету. Меня же унесло в Норильск, где построили телецентр. Я надеялся обрести материальную независимость и материал для книжки (город был практически неизвестен в его шестилетней истории).

Сева был из тех немногих, кто не посчитал меня сумасшедшим. Не отговаривал. Прошло с полгода, вдруг – подряд три письма от Вильчека. Стиль – SOS. Жару он, в отличие от меня, любил и хорошо переносил. А духоту на ташкентском ТВ – нет. К тому же Лиля летом защищает диплом, готова тут же вылететь, тем более, что нам очень нужны деньги – на свою квартиру.

...Пошел к директору студии и спросил, устраивает ли моя работа. Он удивился. Тогда я преподнес (и превознес) Вильчеков. Лилия хорошо работала радиокорреспондентом. На нее, худышку-южанку, было жалко смотреть, когда на город напал ледяной ветер, но магнитофон замерзал еще быстрее, чем репортер. Сева взял на себя художественное вещание, ему было не так холодно, и он очень быстро показал, на что способен.

Он получал удовольствие – от работы, от признания, от дружества (нам очень повезло на группу москвичей – сверстников и «стариков», старшему из которых, скрипевшему протезом инвалиду войны Феликсу Георгиевичу Сакалису, режиссеру, исполнилось 40. Называть себя на Вы не позволял).

Тандем с Феликсом Сакалисом. В письме – пояснение к фото: «Баркас, на котором мы чуть было не отправились на тот свет». 1961 г.

Вильчек и Сакалис образовали тандем. Они сделали много хорошего, но ослабили бдительность. А оттепель как-то незаметно уступила норильским (всесоюзным!) морозам. В партийной газете «Заполярная правда» появилась статья за подписью «бюро горкома», где говорилось: «Автор сценария т. Вильчек и режиссер т. Сакалис пренебрегли требованиями социалистического реализма. В результате телевизионная постановка „Встреча“ явилась порочной в идейном и художественном отношениях, политически вредной, грубо искажающей советскую действительность...»

У каждого времени свои игры, и трудно быть абсолютно свободным. Но рад свидетельствовать, что среди «первых учеников» дьявола, готовых продать душу, не оказалось, кроме Вильчека и Сакалиса, стоявших на своем: актера Всеволода Константиновича Лукьянова, секретаря парторганизации театра (исполнителя главной роли, будущего народного артиста и почетного гражданина), Владимира Ефремовича Горюнова, главного режиссера студии, члена партии с 1941 года, и других, выступавших за правду, как они ее понимали. Хотя мужества требовала даже позиция молчаливых, коли горком (партия!) призывал к активному осуждению порочных героев порочной постановки.

Сталина только-только вынесли из мавзолея – думали, что он уже умер. Поспешили.

Я назвал новых Севиных друзей, которые ни его, ни себя не предали. Через год они приняли Вильчека в партию, а первый секретарь горкома И. А. Савчук от имени бюро тепло его поздравил и пожелал новых творческих успехов.

Бывали и такие коммунисты. И таким бывал Норильск. Пожалуй, этим он отличался от «материка», где клеймо могли поставить и «до дней последних донца».

Я думал, что же дал Таймыр Вильчеку? Уверенность в собственных силах и область их приложения. Он влюбился в Север, в приенисейские земли, в лесотундру (в какой-то степени заразив этим чувством и сына, географа и эколога).

Здесь, на севере сложился его поэтический сборник. Он использовал поездку в Красноярск (с показом программы норильского телевидения в столице края) и предложил свои «Высокие широты» в краевое издательство. Рецензенты дебютанта признали, оставалось ждать сигнального экземпляра. Естественно, в стихах не было ни слова о Норильлаге. И все-таки книжка вышла не без потерь. Уже не помню, что посчитали недопустимым – в последнюю минуту! Но пришлось менять нумерацию страниц.

Автор все же был доволен: «В Ташкенте вообще бы не вышла».

...Только что в Москве издан 900-страничный том о культуре никелевой столицы. Вильчек его уже не увидел. Раздел о телевидении открывает эпиграф из «Телевышки»¹. Вильчека называют и просто редактором (но он первый в списке), и подлинным мэтром, и даже доктором

¹ * В сборнике оно называлось «Последний маяк».

искусствоведения (улыбнулся бы; не скажу, что такое ему не приходило в голову, но посчитал бессмысленным тратить время).

...Расставшись навсегда с Норильском, обосновавшись на Чиланзаре (ташкентский вариант Новых Черемушек), став отцом и засев за книги, Вильчек в первую же зиму получает телеграмму от сибирского своего приятеля (их уже легион), председателя Красноярского краевого комитета по радиовещанию и телевидению.

Сева так написал мне об этом на телеграфном бланке: «Курач предлагает должность главного редактора Дудинке восстановление полярных надбавок так далее телеграфируй что советуешь».

В. Вильчек в Ташкенте после возвращения из Норильска. Стоят – отец, М. Г. Вильчек, и сын Григорий. 1966 г.

Понимаю, совет мой стоил недорого. Чиланзарский адрес плюс еще шесть копеек. «Не возвращайся».

Видимо, он все решил без меня, но хотел лишний раз утвердиться... Или даже так: проинформировал – от чего отказался!

Ему было двадцать пять лет.

МОСКОВСКИЕ ИСТОРИИ. С некоторых пор мы перестали загружать почтальонов и нести почтовые расходы. Телефон – это так удобно! К примеру, звоню Вильчеку на мобильный, а он отвечает: «Ты очень вовремя: лежу под капельницей, и мне невыносимо... скучно».

И все же за полвека полсотни писем, в основном шутейных (но и глубоких, и грустных, и свехоткровенных, а также хулиганских) собралось. Так сказать, собрание «Всеволод Эпи-

столярный». То, что выбираю, ценно моментом (1989-й – год первого издания книги «Алгоритмы истории»), интонацией, рано изреченным словом (на 17 лет раньше срока)...

«Здравствуй!

Совсем ты куда-то запропастился. Как ты? Как вы? Я, если не считать авантюры с книжкой – весьма хреново. Болею: неврология, проктология и т. д.

...Занятная диалектика. Прометей спёр у богов огонь, за что орел потом выклевал ему печень. Я с помощью издательства «Прометей» попытался сделать нечто подобное. Не за это ли жареный петух то и дело клюет меня в... Словом:

Если я еще не умер,
Несмотря на общий сепсис,
То лишь потому, что юмор
Не сменил на тощий скепсис.

Правда, юмор у меня заметно чернеет. Например, сочинил сегодня такое письмо в редакцию, которое собираюсь опубликовать, как и книжку – за собственный счет: «Разрешите через вашу газету выразить мою искреннюю признательность всем товарищам, проводившим меня в последний путь».

Напиши, Толюн. Или хоть позвони. Сева. 7.V.

P.S. (Здесь сначала о делах – А.Л.) 3000 – не тираж, а моим издателям сейчас важно прощупать спрос, поскольку (если не грянет гром и т.п.) они хотят готовить массовое издание. Меня их эйфория порадовала, но и огорчила, поскольку я уже написал такие стишки, посвященные книжке:

...Ах, какой был пророческий раж,
Ах, как жил – безоглядно, наспех.
А теперь мы с тобой – в тираж,
Да и тот – только курам на смех».

В примечании к письму об издании книги Сева написал так:

«Какой бы сочинил фантаст,
Что опус мой (креститесь, маги!)
Печатня МВД издаст
На данной церковью бумаге?

Но обложка такая – не потому, что бумагу мне дала
Патриархия; тут другая причина:

...Поразмыслив, я счел за лучшее
Поставить крест: добра идея,
И будет где распять при случае
Очередного иудея».

А вот тоже из архива. Автограф-посвящение, который Вильчек оставил на титульном листе книжки «Искусство и аудитория» (М.: Издательство «Знание», 1978):

Кипит мой возмущенный разум,
Но, чтобы он кипел не даром,

Я в нем варю попутно фразы,
Что могут пахнуть гонораром.

Сева часто меня удивлял. Вот несколько запомнившихся эпизодов, проявившихся в памяти.

* На моей свадьбе в Норильске («Ресторан закрыт в виду проводимого мероприятия») один-единственный гость сидел в валенках. «Ты кто, Дед Мороз?» – «Нет, я – чтобы меня не тащили танцевать». Вот чего он терпеть не мог. Зато мечтал: «Позимовать, подумать, пописать».

* Совсем недавно: «...прочитал заново всего Евтушенко». – «Зачем?» – «Хотел сравнить старое восприятие и... старческое». – «Ну и...» – «Две трети – на троечку». – «А треть?» – «Навсегда». – «Это же несколько томов!» – «Ты прав». Раньше так быстро не соглашался. Ставил Галича на две ступеньки выше, чем Высоцкого (а я их – рядом).

* В разгар перестройки вдруг написал письмо в ЦК КПСС: недооцениваете, товарищи, ситуацию; надо немедленно брать власть... у Советов. Вся власть – парткомам! Так – честнее.

Ответа из ЦК нет. Я читаю оставшуюся копию. Иногда поднимаю глаза, а по его, потемневшим, вижу: никакая это не шутка.

Он: «Ты себе не представляешь, что может начаться. Я о стране думаю. Не хочу дожить до гражданской войны. Они ничего не понимают, или не умеют, или мерзавцы. Или надеются на чудо... Чуда не будет. Будет бардак, какого свет не видел».

Он его видел. И думал не о себе. Когда понял, что ответа не дожидается, сдал партбилет.

* Очень любил ружья, ножи, кинжалы. Был счастлив, когда получал в подарок что-то оружейное. С удовольствием работал руками, хвалился собственными поделками – пепельницей, трубкой, рукоятью ножа (дерево, рог) – всяким успешным рукодейством, освоенным ремеслом.

* Безудержно врал о своих победах на ринге, о найденных грибах-чемпионах, о выловленных гигантах в речке, которую переходил по камням... Остановить его не удавалось, чувство меры изменяло... Может, не врал, а выдумывал, оставаясь ребенком, как и полагается мудрецу?

* Автомобиль знал теоретически, водитель был плохой. Руководитель – отличный. Мог быть предводителем – без каких-либо усилий влюблял в себя самых разных людей: моего (потом его) соседа, отсидевшего за дело, политическое и кровавое; охотника-промысловика (сошлись на склонности к созерцанию природы и предпочитанию водки при любом выборе); своих начальников и подчиненных (если повышал голос – только дома; на ком-то надо же разряжаться;).

* Никогда не затевал больших библиотек. Одно время, не так уж давно, пользовался – дома – небольшим шкафом. Зато непрочитанного там, похоже, не было.

* Неожиданно в телефонном разговоре:

– Если понадобится хирургия, не сомневайся, деньги найдутся... Да брось ты, Толюн! Просто... нас осталось так мало.

Последние года два он звонил регулярно (из-под Москвы – под Питер), примерно раз в месяц. И голос его раз от раза теплел. Очень уж сходились, глядяваясь в то, что происходило за окнами.

А в последнюю встречу – у него в Жаворонках (он еще работал) признавался:

– Боюсь остаться без мобилизующей должности и без постоянной включенности...

– А если бы все же освободился... Тебе есть что повспоминать...

– Мемуары – вряд ли. Может быть – эссеистика... (С полувопросительной интонацией).

Жаловался, я бы сказал, скромно. Замечательно смеялся. Замечательно возмущался (бесчестностью, беспринципностью, лакейством – и пр.). Иногда видно было, когда каждый шаг давался с трудом. Иногда морщился, как от боли, услышав, что имярек повел себя как подонок. А он в него верил, радовался успехам...

Эх, Вильчек, Вильчек... Он и сегодня излучает свет, ум, талант.

Второй год уже не звонит.

ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР

поэт, писатель, актер

Перед смертью все появлявшиеся когда-либо стихи он уничтожил.

Делом жизни считал книгу «Алгоритмы истории», дорабатывал, готовил третье издание и, когда оно вышло, будто успокоился...

Ее он начинал писать в опасные времена, и обожавший Севу Саша Егоров, друг и соратник Егора Яковлева по «Журналисту», наш общий товарищ, умница и честняга, рассказывал мне о Севином труде еще «пошепту» (пушкинское, а вернее допушкинское словцо, означающее одновременно и «шепотом», и «по секрету»). Егоров говорил, что Сева бесстрашно и беспощадно вскрывает язвы советской жизни, прогнозирует новые времена и хоронит рукопись в дачном раскопе, оборачивая пленкой и присыпая крамольные тексты тяжелым слоем садовой земли. Рассказы производили впечатление...

Сильный ум и незаурядный талант сказывались в том, что Сева обнимался с теорией и любил осуществлять свои идеи на практике. Родное ему телевидение остро связывалось с изменчивым социумом, и Вильчек стал активным участником возникавшей на наших глазах новейшей истории. Ее алгоритмы ему хотелось не только разгадать, но и использовать ради дела и общественной пользы...

Роль ташкентского землячества в Москве и Петербурге еще подлежит изучению, однако Сева Вильчек – один из его героев, это – бесспорно.

Обаяние сильной личности было подсвечено трагическим бликом, кажется, изначально. Хотя бы этим вот, намеренным отказом от стихов. Не время?... Не это главное?... А, может быть, именно это?..

Ночной разъезд приткнулся у воды,
где спит осока в облаках по пояс.
Три огонька. Три красные звезды
уносит поезд. Уходящий поезд.
Звенит сухой комарик у виска.
Тоска засела позабытым словом.
И рыбаки на завали песка
жуют зевоту, хвастают уловом.
А поезд мчится с криком: «Догони!»
Манит своей дорожной древней властью.
Бегут огни. Торопятся огни
на поиски. К неведомому счастью...

Стихотворение, напечатанное в университетской многотиражке «За сталинскую науку», осталось в памяти на долгую жизнь...

Севка учился на два курса младше, но завоевал филологический авторитет, а к нашей драматической самостоятельности относился, кажется, свысока. И это ему прощалось: быть может, вырастает поэт...

Он тоже думал так и после университета рванул в Норильск за романтикой. В Норильске пахло скорее ГУЛАГом. Но журналист Вильчек поминал Джека Лондона и старался разглядеть правду «на высоких широтах». Вышедшую в Красноярске первую и последнюю книжку стихов так и назвал. Год 1964. В ней была заметна маяковская «лесенка» и его же стремление подчинить творчество общепартийным задачам. Так Сева и объяснял: мол, за «грудой дел» в газете, некогда «на Парнас»...

Еще раньше, в университете был счастлив, когда однажды журнал «Юность» напечатал его стихотворение рядом со стихами Казаковой или Мориц. Стихотворение характерно называлось «Телогрейка»...

По примеру того же Маяковского, Вильчек, «наступая на горло собственной песне», стал стесняться поэтической струнки, отошел в сторону телевидения, переехал в Москву, рос, как ученый и деятель, участвовал в перестройке, стал замечен отовсюду. Мог объяснить события и предсказать погоду на завтра.

Какое-то время стихи шли в стол...

Потом, когда стали появляться в печати, запрещенные прежде Мандельштам, Гумилев и другие, Сева сам осудил свою поэтическую рациональность, сдал партийный билет, ринулся в философию...

Нельзя сказать, что мы дружили: сговаривались, сходились раз в несколько лет. Однажды я был в его кабинете. Однажды – дома. И он побывал у меня, на «Гамлете», в театре. Переключались все годы и радовались, любя друг в друге общее прошлое и светлое будущее...

Лиля, жена его, помнит, как еще студентами, вчетвером, мы со своими девушками, поехали паровиком на узбекскую природу, весь день трепались о высоком посреди тюльпанного поля, а вечером привезли бешеные букеты в весенний Ташкент.

«Толпа тюльпанов город затолкала...»

Кто это написал?.. Он или я?..

Обложка книги стихов, изданной в Красноярске в 1964 г.

Сева Вильчек был невысокого роста, но мужской характер сказывался во всем: в походке, манере говорить, в улыбке...

Рыбалка, охота...

В НИИ Киноискусства...

Снасти, ружье...

Мы любили все свое, заведомо ориентальное, родное: картину Александра Николаевича Волкова «Гранатовая Чайхана», живой плов, яркую зелень, красные помидоры, желтые лепешки, зеленый чай... По мере возможностей не отступали от общих сборищ и правил. Никогда не изменяли землячеству.

С возрастом это стало переходить в какую-то щемящую нежность.

Когда разгоняли его телевидение – НТВ, ТВ-6, было больно не только по факту, но и за Севу лично.

Потом он мотнулся в Грузию. Потом вернулся.

Зачем он уничтожил стихи?..

И в этой его своевольной смерти видится поэтический пример. Маяковский? Хемингуэй?

Не поддаться. Не уступить подлянке. Сделать свой выбор, сжечь лишние рукописи и...

Вот она, снята со стены, заряжена и в последнем акте стреляет...

Мы тебя не забудем, старик, ты – еще здесь, с нами...

И вот она – твоя книга: «Алгоритмы истории», Москва, 2005...

АЛЕКСЕЙ ПЬЯНОВ

писатель, редактор журнала «Крокодил»

«Философ ранний...». Это – о нем. Хотя и сказано почти два века назад. Но, как известно, гениям дано прозревать будущее и угадывать «странные сближения» обстоятельств, событий, имен...

«Стансы Толстому» Пушкин написал в кишиневской ссылке в 1822 году и отправил с письмом, полным симпатии к этому человеку. Яков Николаевич был не очень силен в «стихотворных опытах». И не они сблизили с ним юного Пушкина. Этот Толстой был незаурядным, ярким и высокоталантливым человеком. Участвовал в Отечественной войне, был награжден за храбрость. Сняв мундир, возглавил знаменитое общество «Зеленая лампа». Радикальные настроения привели его в Союз благоденствия.

В этом видится мне именно то, что поэт назвал «странными сближениями». Эти черты, что самое важное, не просто сближают разные эпохи и поколения, но и объединяют людей, не утративших самых лучших, самых ценных своих качеств, среди которых главное – стремление служить высоким целям, достойным и неизменным идеалам добра и справедливости, быть полезными «любезному Отечеству». Поэтому-то сказанное о них не требует современной фразеологии...

Сева Вильчек...

Он был младшим в нашей компании на филфаке САГУ².

Младшим по возрасту и по курсу.

Но он – этот миниатюрный, подвижный, говорливый, зеленоглазый мальчик, с явными признаками интеллигентности и хорошего воспитания, был уже тогда, пятьдесят лет назад, взрослее нас. Серьезнее нас, ветеранов факультета. Солиднее нас при всей своей миниатюрности.

Его интересы выходили далеко за пределы проблем «четвертого сна Веры Павловны» из знаменитого романа Чернышевского.

И тут опять обращусь к Пушкину, ибо он гораздо лучше меня сказал... да, да! – и о Севе Вильчеке, и о таких же мальчиках, которые, даст Бог, будут после нас, унаследовав и вильчевские черты.

Так вот, Александр Сергеевич, вспоминая уже в зрелые годы доброго приятеля Алексея Вульфа, писал:

«В конце 1825 года я часто виделся с одним... студентом. Он много знал, чему научаются в университетах, между тем, как мы с вами учились танцевать. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной проверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял».

Вот так!

Все те, кто знал Севу, прочитав эти пушкинские строки, скажут, уверен: «Да, это – о нем!»

Однако все эти качества, столь редкие (особенно нынче) в юном человеке, не мешали Севе быть нормальным, общительным, веселым и жизнерадостным человеком. Он отнюдь не бежал «Пиров и наслаждений жизни», он активно участвовал в этих пирах и вкушал наслаждения (в пределах, воспитанных в нас, послевоенных мальчишках, правил и норм). Посещение прекрасной университетской Фундаментальной библиотеки Сева разумно сочетал с походами в не менее прекрасный (в своем жанре) ресторан «Регина», рекламу которому сделал для

² * САГУ – Среднеазиатский государственный университет в Ташкенте.

нас наш общий любимец, классный гимнаст и первый стилиста САГУ Слава Благоев. Я запомнил эти строчки:

Друзья, в «Регину»!
Там джаз и вина.
Там звуки буги...
Хиляем, други!

И мы хиляли. И для застолья – веселого, но не шумного – вполне хватало нищенской степешки.

Да что там походы в «Регину»! «Наш младшенький» (так без снисходительности, а с какой-то трогательной заботливостью звали мы Севу) выкидывал такие штуки! По инициативе Вильчека трое друзей: он, Юра Кружилин и Павлик Георгиади, соорудив плот какой-то загадочной и странной конструкции, отправились в путешествие во время летних каникул по норовистой речке Чирчик. Плавание это могло закончиться трагически. Однако трое довольно тощих филологов на этажерке, поддерживаемой на плаву четырьмя автомобильными камерами и названной ими в честь одного из героев Джека Лондона «Смок Белью», победно прошли более ста километров и вернулись в родной университет героями. Были увенчаны, целуемы и обнимаемы, и печатаемы в незабвенной нашей многотиражке редактором ее – славным толстяком и любимым нашим преподавателем Яковом Романовичем Симкиным (впоследствии деканом факультета журналистики Ростовского госуниверситета).

Но главным для Севы в ту пору были, конечно же, стихи. Теперь, по прошествии полувека, я вижу, что уже тогда, как это ни странно, Всеволод Вильчек был поэтом. Поэтом истинным. И еще я думаю, что именно в этом было главное его призвание. Для этого явился он в мир. Ему было что сказать, и он знал, как сказать. Знал и умел.

Вот одна лишь строфа, написанная им, по-моему, на третьем курсе:

Звенит сухой комарик у виска,
Тоска засела позабытым словом,
И рыбаки на завалих песка
Жуют зевоту, хвастают уловом.

Эти строчки помнят наизусть все мои однокашники по университету. Не только филологи и журналисты. Вот, скажем, наш общий друг (с тех пор и поныне) тогдашний «геолог» Яша Кумок. Классный боксер, красавец в форменной куртке с золотыми вензелями на погонычках. Не знаю, потеряли или нет спорт и геология, когда Яша простился с ними, но литература, культура наша явно приобрели, когда взял он в руки перо.

Всеволод Вильчек – поэт, «почти что знаменитый на филфаке». 1959 г.

И уверен, что дружба с Севой здесь не осталась без следа. Дружба, продолжавшаяся десятилетия и соединявшая – часто не виртуально, а реально, за столом в доме Якова Кумока, «старых ташкентцев», где нас потчевала прекрасным пловом его замечательная жена Ира. Ирина Львовна, добрый и умный доктор. Здесь, в этом хлебосольном доме, врачевались наши сердца и души общением бывших саговцев, среди которых признанным патриархом (по стажу) был Эдик Муртазин. Здесь в последний раз виделись мы с Севой...

Он оставил заметный след в судьбе многих своих друзей и товарищей. Что же касается меня, то след этот особенно ярок и зрим. Да, впрочем, и не след – это вовсе. Если еще раз вспомнить (не все) о «странных сближениях», то необходимо сказать, что именно Всеволод Вильчек, точнее – его стихи странным и загадочным образом определили мою писательскую и человеческую судьбу.

Дело в том, что первую в своей жизни литературную пародию я написал в 1956 году на стихи... Севы Вильчека! Написал и прочел на факультетском вечере, где «первую скрипку» в поэтическом турнире, собравшем всех поэтов филфака, играл сильно повзрослевший старшекурсник, бывший «наш младшенький».

Шарж на В. Вильчека из газеты «Среднеазиатский университет». 1.01.1957 г.

Он читал лирические стихи – о весне, о любви, о встречах и расставаниях, вызывавшие восторг и восхищение наших юных подруг, заполнивших тесный, но такой уютный Актный зал. Я не запомнил наизусть стихотворения, которое и вызвало у меня желание – совершенно неожиданно, вдруг! – написать тут же некий парафраз, подражание Вильчеку. Помню только: в приглянувшихся мне севиных стихах были строчки:

Чтобы рядом со мною шагала удача,
Поругайте меня, я вас очень прошу!

Не ручаюсь за точность этой цитаты, но последнюю строку запомнил железно, ибо она и толкнула меня на «скользкую дорожку», которая через тридцать лет привела меня... в кабинет главного редактора журнала «Крокодил».

Ай да Вильчек! Ай да сукин сын! (Простите, Александр Сергеевич...)

Я читал свое сочинение последним. На волне любви к Севе оно было принято уважительно.

Увы, этот листок из тетради для конспектов лекций по истории дипломатии не сохранился. Не удержала память и всю пародию, оказавшуюся судьбоносной, сохранив лишь осколок, венчавший мое сочинение. Вот он:

За окном расстилались бескрайние дали,
Воробьи о любви, о весне щебетали,
Раздавался листвы незатейливый шум...
Если Севу сегодня вы встретите в зале,
Поругайте его, я вас очень прошу!

Севе понравилось. Он сказал: «Тебе надо писать пародии».

Я внял его совету через четверть века, оказавшись волею судьбы заместителем главного редактора журнала «Юность», о котором писал дипломную работу. Последствия вильчековского прорицания я уже назвал.

Однажды в мой кабинет-камеру на площади Маяковского зашел Сева. И не с пустыми руками. У него только что вышла, но уже успела вызвать скандал книжка «Алгоритмы истории», в которой он сильно поправил Маркса, поставив перед собой «скромную» задачу: «протрассировать закономерности развития общества от начала истории до ее конца». Что, судя по реакции критиков, удалось ему в полной мере.

На форзаце своего «зловредного» сочинения Сева написал:

«Лучшему лирику филфака САГУ Леше Пьянову от лучшего сатирика Севы Вильчека – всего треть века спустя. 1989 г.»

А чуть ниже – уже стихами:

Болтают: я отнял у Маркса факел.
Готов отдать...
Когда бы мог при этом
Хоть на недельку
Снова стать поэтом
Почти что знаменитым
На филфаке...

Я не стал спорить с ним насчет лирика и сатирика, а порадовался тому, что у моего однокашника вышла такая книжка, которая подтвердила наши «подозрения» тогда, в Ташкенте, среди маков, фиалок и тутовника, о том, что на местном филфаке зреет серьезный плод в голове «раннего философа», который, однако, в ту пору был-таки не просто «почти что знаменитым», но лучшим поэтом в нашей альма матер.

Потом...

Потом прошло много лет.

Мы встретились снова на дне рождения Яши Кумока.

Это был прекрасный день! Но это был и последний день, когда я видел Севу...

Я долго искал среди бумаг своего чудовищного по неорганизованности архива и все-таки нашел номер многотиражной газеты «Среднеазиатский Университет» за вторник, 1 января 1957 года. Там центральный разворот занимает «Литературная страница». Открывает ее шарж на Севу и эпиграмма на него: «поэта, прозаика и публициста». Там же опубликован фрагмент репортажа об упоминавшемся уже выше путешествии на автомобильных камерах. Там, рядом с Севой, все мы – Юра Кружилин, Слава Благов, Волик Рецепттер, Юра Кукаркин, Яков Симкин, я – с усами и в шляпе. У каждого из нас – по одному стихотворению на странице. У Вильчека – два. Одно из них я хочу привести здесь целиком.

ШЛИ СТАРУХИ

Бронза лиц, опаленных болью,
На усталых плечах – кошель...
Шли старухи на богомолье.
В горы шли.
Даль заката, что кровь красна...
И темнела над грозной осыпью
Пограничным столбом сосна...
И была мне понятна робость их:
Путь лежал у них дальний-предальный:
Шли они из Ташкентской области
В область преданий.

Теперь в эту область ушел он сам.

ВЛАДИМИР ДЕРЕВИЦКИЙ

Журналист

Среди событий последнего года эры Хрущева случилось и такое: был основан первый в советской прессе отдел телевидения в газете «Советская культура». И вышло так, что шефом нового отдела был назначен я.

Инициатива создания отдела исходила от тогдашнего заведующего сектором радио и телевидения отдела пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлева, будущего «архитектора перестройки». Он курировал нас подчеркнуто ненавязчиво и, следуя его примеру, главный редактор газеты Д. Г. Большов давал нам возможность высказываться достаточно крамольно по тем временам. Мы остро нуждались в авторах, способных осмыслить опыт молодого телевидения, заглянуть в его будущее.

Между тем уже была написана вторая в нашей стране после знаменитой работы В. Саппака книга, посвященная эстетической природе телевидения. Она называлась «Контур» и принадлежала перу Всеволода Вильчека, молодого научного сотрудника Института искусствознания Министерства культуры Узбекской ССР. Об этом я узнал от новой сотрудницы нашего отдела Инны Рудэн, недавней жительницы Ташкента и давней его знакомой. В Ташкент было немедленно отправлено письмо с предложением изложить основные идеи книги в серии газетных статей.

Статьи были встречены с большим интересом. После чего Вильчека пригласили на постоянную работу в качестве собственного корреспондента газеты по республикам Средней Азии. А вскоре в редакции узнали, что Сева – незаурядный поэт. Открылось это во время банкета по поводу совещания собкоров. Шел пир в одной из комнат ресторана Дома литераторов. Во время какого-то длинного тоста Сева исчез. Ждать его пришлось долго. Не дождавшись, я отправился на поиски и нашел Севу в коридоре, держащим в объятиях мужчину с бородкой, уже не способного стоять, но еще способного читать стихи. Это был поэт Николай Глазков, в те дни особенно популярный, так как получил зубодробительный разнос в «Комсомольской правде» за стихи «Я на мир взираю из-под столика». Сева и Николай познакомились несколько минут назад и сразу же начали своеобразный поэтический турнир.

У Севы уже тогда проявился интерес к профессии социолога. Он предложил мне приехать к нему в Ташкент, чтобы вместе отправиться на ударную комсомольскую стройку в Киргизии под Ферганой для опроса телезрителей. Мы два дня ходили по стройплощадкам, рабочим общежитиям, клубам, библиотекам. Набив блокноты, вернулись в Ташкент, где, обговорив план статьи, разделили темы и принялись писать. Работаем час-другой, прерываемся, чтобы прочитать вслух написанное. И я обнаруживаю, что скорости наши сильно отличаются, что Сева значительно меня опережает. Перечитал сейчас (через 41 год) эту статью, напечатанную в двух номерах газеты, и без труда нашел Севины куски. Их отличает присущая Севе изящная игра словами, которая свойственна даже многим его сложным научным текстам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.